

Владимир Попов

«ПЕКИНСКИЙ КОНСЕНСУС» ПРОТИВ «ВАШИНГТОНСКОГО»:

«АЗИАТСКИЕ ЦЕННОСТИ» БОЛЕЕ

КОНКУРЕНТОСПОСОБНЫ, ЧЕМ ЛИБЕРАЛИЗМ?

Азиатские ценности — это приоритет интересов общины (деревни, предприятия, нации, мирового сообщества) над интересами индивидуума. Они часто противопоставляются западным либеральным ценностям, в основе которых посылка о неотъемлемых, священных правах человека, которые не могут быть отчуждены от индивидуума ни при каких обстоятельствах даже ради достижения высшего общественного блага. Известный политический философ Джон Роулс сформулировал принцип, в соответствии с которым демократические ценности и права человека имеют приоритетное значение: согласно Роулсу¹, права человека, включая политические права, «не могут быть ни предметом политического торга, ни разменной монетой при расчете общественных интересов».

Защитники же «азиатских ценностей», корни которых часто ищут в конфуцианстве, считают, что в принципе политическими правами отдельных индивидуумов можно пожертвовать ради высшего общественного блага, например, ради достижения устойчиво высоких темпов роста и социального равенства. По словам нобелевского лауреата по экономике Аматыи Сена, «Ли Кван Ю, бывший премьер-министр Сингапура и горячий сторонник «азиатских ценностей», защищал авторитарную модель правления как раз на том основании, что она эффективна для достижения экономического успеха².

Собственно говоря, то, что сегодня называют «азиатскими ценностями», до протестантизма XVI века было универсальным принципом всего человечества — никакого примата интересов индивидуума над интересами общества до этого времени не было. Перечитайте «Ветхий Завет» — сколько наро-

1. Rawls, John. A Theory of Justice. Cambridge, Massachusetts: Belknap Press of Harvard University Press, 1971.
2. Sen, Amartya. Human Rights and Asian Values: What Lee Kuan Yew and Lee Peng Don't Understand About Asia. — The New Republic, July 14, 1997, Vol. 217, No. 2–3.

да, своего и чужого, загубил Моисей во имя высшей божественной цели привести соплеменников в «землю обетованную» и произвести от них «народ сильный и многочисленный». Нациям надо было тогда выживать в трудной борьбе с врагами — какие уж тут права человека, когда фараон по пятам гонится...

Одно время казалось, что Запад, поставивший на личную свободу и права человека, сумел обогнать все другие цивилизации и экономически, и в военном и культурном отношении, так что им остается только подражать Западу, чтобы добиться таких же успехов. Однако новый подъем Восточной Азии в послевоенный период, и особенно центра Восточной Азии — Китая, заставляет думать, что в соревновании цивилизаций еще рано ставить точку.

Китаю (а раньше — другим странам Восточной Азии, основанным на китайской культуре — Японии, Корее, Тайваню, странам ЮВА) удалось в послевоенный период поднять темпы роста до 7–10% и поддерживать эти темпы роста в течение нескольких десятилетий. В итоге Восточная Азия во второй половине XX века стала, по сути, единственным крупным регионом, которому удалось сократить разрыв в уровнях экономического развития с Западом. Ни Латинской Америке, ни Ближнему Востоку, ни Южной Азии, ни Африке, ни бывшему СССР и Восточной Европе сделать это не удалось. Да, в 1950-е — 1970-е годы СССР и Восточная Европа, а также Латинская Америка сокращали разрыв с Западом. Но затем их модель импортзамещающего развития с треском рассыпалась: в Латинской Америке — после долгового кризиса начала 1980-х годов, в СССР и Восточной Европе — в 1990-е годы, когда они пережили падение производства, сравнимое только с «великой депрессией» 1930-х годов.

Собственно говоря, именно и только в Восточной Азии находятся страны, которые смогли превратиться из развивающихся в развитые — Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг. Других государств, сумевших догнать Запад, в мире пока нет. Два последних случая можно списать на малые масштабы — это города, а не страны, но вот первые три никуда не денешь, они, что называется, колют глаза. Тем более теперь, когда по стопам этих стран идет Китай с пятой частью мирового населения. Вдобавок ко всему, не только темпы экономического роста в Восточной Азии были выше, чем в остальном мире, но и социальное неравенство было ниже, чем в схожих по уровню развития странах, преступность — ниже, продолжительность жизни — выше.

Возвышение Японии, Южной Кореи, Тайваня, Сингапура и Гонконга иногда объясняли тем, что США и Запад, стремясь противостоять распространению коммунизма в Азии, «пригласили» эти страны в клуб развитых и всемерно способствовали их быстрому росту (*development by invitation*). Так это или не так — спорный вопрос, но вряд ли можно спорить с тем, что Китай такого приглашения не получал и что его быстрый рост произошел не благодаря, а вопреки политике Запада.

Китайская модель базируется сегодня на принципах, которые даже при сильном воображении трудно увязать с неолиберализмом. Во-первых,

сохранение авторитарного режима и постепенная, а не обвальная демократизация; во-вторых, постепенное дерегулирование цен в начале реформ и постепенная экономическая либерализация сегодня; в-третьих, «вырастание из социализма», то есть создание негосударственного сектора с нуля, вместо широкомасштабной приватизации плюс плюрализм форм собственности и контроля; в-четвертых, сильная экспортно-ориентированная промышленная политика; в-пятых, занижение валютного курса через накопление валютных резервов — тоже инструмент стимулирования экспортно-ориентированного роста.

Все эти составляющие китайской политики вызывают противодействие США и Запада и предсказания, что китайский рост должен неминуемо закончиться крахом, если политику не поменять на неолиберальную. Но такие предсказания делаются уже более четверти века, а рост все продолжается. Значение этого роста сегодня трудно переоценить — и не только потому, что Китай — самая большая страна мира, но и потому, что впервые в новой истории мы имеем дело с успешным догоняющим развитием, базирующимся на нелиберальных, если не сказать антилиберальных, принципах — на «азиатских ценностях», коллективистских по сути своей институтах.

Из заложенного в «азиатских ценностях» принципа компромисса (для достижения высшего общественного блага) логически вытекает и другой — терпимость к разным формам общественного устройства, уважение к альтернативе, к эксперименту, понимание, что для выживания и процветания общины (нации, цивилизации) можно поступиться всеми идеологиями и «измами» вместе взятыми. Эта терпимость высоко ценится другими странами и часто противопоставляется американской агрессивности и примитивному делению мира на «наших» и «ваших».

Китайское руководство не вмешивается в дела других государств и не учит жить других, даже когда помогает им материально: китайская помощь развивающимся странам не связана никакими условиями. Китай не вводит санкций и эмбарго против других стран, считая их неуместными в принципе. Даже с Тайванем КНР все время стремилась к развитию торгово-экономических и культурных связей, тогда как именно Тайвань этому всемерно сопротивлялся. До сих пор китайские инвестиции на Тайване практически отсутствуют (запрещены; если их разрешить, КНР просто скупила бы остров на корню), тогда как тайваньские бизнесмены вложили в экономику материкового Китая порядка 100 миллиардов долларов.

Как говорил величайший военный стратег всех времен и народов Сунь Цзы 25 веков назад, «сражаться и побеждать в каждой битве — это не высшее совершенство; высшее искусство состоит в том, чтобы сломить сопротивление врага без сражения».³ Похоже, и прошлые, и нынешние правители Китая, не всегда, конечно, но гораздо чаще, чем лидеры других стран, стараются руководствоваться этим принципом — не захватывать и принуждать, а утверждать лидерство собственным примером. Китай, возможно, стано-

3. Sun Tzu. The Art of War. Translated from Chinese by L. Giles. MA., 1910.

вится «асимметричной сверхдержавой», по выражению Дж. Рамо, автора другого известного выражения — «пекинский консенсус», отличительными чертами которого, как он говорит, являются скептическое отношение к приватизации и свободной торговле и убеждение, что глобализация не должна приводить к подрыву национального суверенитета и к разрушению национальных моделей развития. «Вместо того чтобы копировать сверхдержаву американского типа, бряцающую оружием и нетерпимую к другим, — пишет он, — Китай завоевывает влияние в мире примером собственной модели, силой своей экономической системы и жесткой защитой национального суверенитета»⁴. Может быть, именно в «азиатских ценностях» и заключен секрет исключительного долгожития и устойчивости китайской цивилизации и государственности?

В общем «азиатские ценности» могут оказаться более привлекательными для других стран, чем протестантская «свобода личности с правами человека». Все-таки китайской цивилизации уже 5000 лет, и только она одна не сошла с дистанции, как другие. Открывшееся же у Китая в последние 25 (или 50) лет «второе дыхание» заставляет рассматривать отставание в XIX — первой половине XX века как «временные трудности роста».

После краха СССР китайская, точнее, восточноазиатская, модель развития завоевывает все больше сторонников в развивающихся странах — от Бразилии до Фиджи. Все больше экономистов и политиков в самых разных странах Юга признает, что не только рынок, но и правительство должно внести свой вклад в экономический успех, в частности, путем проведения экспортно-ориентированной промышленной политики, то есть создания налоговых, кредитных, таможенных и прочих преференций передовым отраслям и предприятиям, нацеленным на внешние рынки. Это прямо противоположно неолиберальным рецептам США и объективно противоречит их интересам по сохранению мирового лидерства. Если все «экономические чудеса» в мире случились не благодаря советам международных финансовых институтов и США по либерализации экономики, а вопреки им, как в Восточной Азии в целом и в Китае в частности, то значит, США объективно проводили и проводят политику, направленную на торможение экономического роста Юга? А если все развивающиеся страны завтра выстроят свою экономическую стратегию «à la китайская модель», что же станет с неолиберализмом? Ну и, наконец, если все развивающиеся страны начнут расти по 10% в год, как Китай, и в конце концов догонят США и Запад, что станет с американским лидерством?

4. Newsweek, May 9, 2005.